

УДК 821.161.1 + 82.0
DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-63-72

**«Граммфонист Иванов»:
к вопросу о прагматике вторичного текста**

А. Е. Козлов

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В аспекте изучения авторского самосознания анализируются поведенческие жесты и тексты В. М. Дорошевича. Будучи современником А. П. Чехова, пережившим его практически на 20 лет, Дорошевич неоднократно обращался к сюжетам литературной карьеры и репутации своего современника, при жизни признанного гением. В таком обращении можно увидеть не только выполнение газетно-журнальной работы, обусловленной коммерциализацией литературного труда, но и жизнестроительные практики, прагматика которых концептуализируется в идиоме «Симеон, не доживший до Сретения».

В статье рассматриваются границы и возможности вторичного текста: отталкиваясь от биографического материала, Дорошевич перестраивает его в амплитуде от некролога до автопародии и альтернативной истории.

Ключевые слова

Дорошевич, фабула и сюжет, классика и беллетристика, вторичность и альтернативность, русская литература XIX века, Чехов

Для цитирования

Козлов А. Е. «Граммфонист Иванов»: к вопросу о прагматике вторичного текста // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1. С. 63–72. DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-63-72

**Pragmatics of the Secondary Text:
Vlas Doroshevich as Mr. Ivan Ivanovich Ivanov**

A. E. Kozlov

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article analyzes the behavioral patterns (gestures, roles, scripts) and texts of Vlas Doroshevich (in particular, articles and essays by Doroshevich written him about V. P. Burenin, A. I. Herzen, D. L. Mordovtsev). One of the most famous books during the life of the writer “The Way of the Cross” (1915) is almost forgotten today. However, historians and lit-

© А. Е. Козлов, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 1

erary historians still study his book “Sakhalin. Hard Labour” (1903). Being a contemporary of A. P. Chekhov, Vlas Doroshevich, who lived after him for almost 20 years, repeatedly turned to the life history of his contemporary, recognized as a genius during his lifetime. In such an appeal, one can see not only the performance of newspaper and journal work due to the commercialization of literary work, but also life-creating practices. One of the most obvious practices is a trip to Sakhalin and a description of travel experiences in a book.

On the material of essays, feuilletons, memories that were written by Doroshevich for the Sutin’s ‘Russian word’ this patterns are investigated. Firstly, it’s self-representation as Famous Other (often Genius). So Doroshevich wrote about Chekhov, however, most of the information is not related to the life and work of Chekhov, but closely connected to the life and work of Doroshevich. Secondly journalistic fiction filled the voids. The automatism of this type of writing is already exposed at the level of headings, among which the majority are built according to the unified model of ‘Chekhov and X’: *Chekhov and Maupassant*, *Chekhov and criticism*, *Chekhov and Sakhalin*, *Chekhov and Suvorin*, *Chekhov and the title of writer*, *Chekhov and Marx*, *Chekhov and the stage*, *Chekhov, Tolstoy and Gorky*. The last text, replicating the narrative model, chosen in the feuilleton *Chekhov and Suvorin: X was very fond of Y, as Y was very fond of X*. Thirdly, Doroshevich has not only parodied contemporaries, but also parodied himself. Thus “Memories of Chekhov” deceive the expectations of readers. The narrator *Ivan Ivanovich Ivanov* writes his text as Doroshevich himself wrote about Chekhov several years before. Lastly, pragmatics of Doroshevich’s texts is conceptualized in the pattern *Simeon, who did not live to see the Christ*. Doroshevich used this idiom when he’s speaking about forgotten Russian writer Daniil Mordovtsev. Mordovtsev was so-called ‘little man’ of Russian literature. Doroshevich did not want to be the same, so Chekhov’s symbolic capital needed him as a way to change his own life, endow it with new, albeit secondary, meanings.

Keywords

Doroshevich, Plot and storyline, Secondary and Alternative, Russian literature of the 19th century, Chekhov

For citation

Kozlov A. E. Pragmatics of the Secondary Text: Vlas Doroshevich as Mr. Ivan Ivanovich Ivanov. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 1, p. 63–72. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-63-72

Я никогда в жизни не видал такой визитной карточки. «Икс Игрек Дзет. Репортер газеты такой-то».

В. М. Дорошевич

В истории литературы как истории формирования и утверждения канона [Bloom, 1994; Дубин, 2010] значимую, хотя и своеобразную роль играют фигуры второго и третьего литературного ряда. Часто оттесненные от магистральной линии, еще при жизни должны нести клеймо литературных Бавиев и Мевиев [Винницкий, 2017], «Двойников господина Двойникова» [Козлов, 2017], тени своих гениальных современников, эти писатели, как правило, обречены на забвение. Тем больший методологический смысл приобретает изучение самосознания отверженных при жизни или после смерти беллетристов, в публичной и литератур-

ной деятельности которых можно обнаружить своеобразные механизмы, направленные на сохранение памяти о себе и своем наследстве¹.

Одной из частных иллюстраций этого общего закона является поведение в литературном поле Власа Михайловича Дорошевича. Популярный фельетонист рубежа веков – несмотря на прагматику журналистской карьеры, – он на протяжении своей жизни неоднократно обращался к рефлексии, сосредоточенной на выяснении позиции как забытых, так и «вышедших в классики» [Рейтблат, 2001] современников. Так, в мемориальном очерке «Симеон, не доживший до Сретения» (1905), рассуждая о судьбе Д. Л. Мордовцева (походя упоминая «больных людей, истосковавшихся по свету», – Чехова и Михайловского), Дорошевич писал о нем: «...он давно уже принадлежал историкам литературы»; «...мы застали его ветераном, добрым старым дедом, тихо и буколически доживавшим свой век в литературе» (с. 151)². В центре очерка – эмоциональное состояние Мордовцева во время публичного скандала; Дорошевич описывает «...поруганного, обиженного, раненого в сердце, бессильного и плачущего старческими, горькими, бессильными слезами», при этом трагическая «фигура рыдающего старика» (с. 153) прямо соотносена с королем Лиром. Образ плачущего и униженного беллетриста, подлинного «маленького человека» журнального и газетного мира, особенно важен в рефлексии Дорошевича, поскольку в нем собраны внешние и внутренние причины литературной неудачи – как поколенческой, так и личностной.

Закономерно, что до начала Первой мировой войны ни одна книга Дорошевича не имела по-настоящему капитального значения³. В диалектике раба и господина он – король фельетона – едва ли не был поработан этим легким жанром. За пределами же фельетонистики имя писателя практически не существовало, и уже к концу его жизни истончилось и превратилось в пунктир⁴.

Будучи одним из «спутников» или же писателей круга Чехова, Дорошевич, переживший своего современника более чем на двадцать лет, не только в литературе, но и в жизни обращался к характерным дублирующим ходам: сотрудник «Будильника», отказавшийся от псевдонима в пользу личного имени, в конце 80-х гг. он, перейдя в сытинское «Русское слово», осуществляет движение в сторону психологической или документальной прозы. В 1897 г. он отправляется на Сахалин, а в 1903-м публикует книгу «Сахалин (Каторга)». Разумеется, путешествие Дорошевича было гуманистической акцией, и имело значение дальнейшего открытия и освоения этой во многом живущей вне общего правового поля земли [Кудинова,

¹ Иногда следует говорить и об обратном механизме «аннулирования» себя из культурной памяти. Об этом свидетельствуют эпистолярные штампы: «Скучаю писать о себе», «В моей жизни не было ничего интересного», «Есть ли жизнь у псевдонима?» и т. д.

² *Дорошевич В. М.* Собр. соч. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1905. Т. 4: Литераторы и общественные деятели. Далее цитируется это издание с указанием номера страниц в круглых скобках.

³ Самая известная книга писателя «Путь креста» (1915) уже в 1920-е гг. потеряла свою актуальность и не переиздавалась в советской печати.

⁴ Показательно, что первые некрологи, извещающие читателей о смерти Дорошевича, появились при его жизни в 1920 г. Узнав об этом, фельетонист писал: «Гражданин редактор! С теплым чувством прочел я в “Вестнике литературы” свой некролог. В нем все правда, за исключением одной фразы: я не умер. Известие несколько преждевременно. Извините, пожалуйста, но я жив – чего и другим от души желаю» (с. 3).

1995; Минералов, 2009; Гузаевская, Родин, 2020], но в свете недавнего путешествия Чехова мы можем видеть, как вторичные дискурсивные практики ⁵ сменяются практиками иного порядка – жизнестроительными.

При этом – объясняется ли это «страхом влияния» [Bloom, 1973] или каким-то сходным эффектом – автор очерков выстраивает свое повествование, практически не эксплицируя чеховский опыт и игнорируя имя своего предшественника ⁶. Исключение составляет цитата из письма заключенного Федотова:

В письме Федотов «считал своим долгом» известить меня, что каторга относится к моей любознательности с большим сочувствием, просил меня «никому не верить» и каторги не бояться: «Кто к нам человек, к тому и мы не звери». И в заключение выражал надежду, что мое посещение принесет такую же пользу, как и посещение «господина доктора Чехова» ⁷.

Если предположить, что встреча с Федотовым и его письмо вымышлены (а Дорошевич слыл мастером подобных мистификаций [Букчин, 2010]), отнесение имени Чехова к концу фразы (при тотальном игнорировании фамилии предшественника в остальном тексте) и дополнительные номинации «господин доктор», создающие естественное зашумление вокруг слова «писатель», свидетельствуют о специфическом отношении Дорошевича к своей вероятной вторичности.

Особого внимания в этом свете заслуживают некрологические статьи и фельетоны, написанные Дорошевичем в памятные «чеховские даты» с 1904 по 1917 г. Фронтальное изучение этих текстов позволяет сделать вывод, что все они строятся как сюжетные и тематические вариации очерка «Вишневый сад» («Русское слово», 1904): объединенные структурно и тематически они свободно нарушают границу нонфикционального текста, создавая альтернативную литературную историю.

Наиболее показательна в этом отношении серия фельетонов «Антон Павлович Чехов» (1904). Первый текст, открывающий серию, близок по своему жанру к некрологу.

Проклятый Касьянов год!
Горе за горем несет он России.
Со дня смерти Тургенева мы, русское интеллигентное общество, не несли такой
потери, какую понесли сейчас.

⁵ Дискурсивный характер сахалинских впечатлений становится очевидным при обращении к очерку «Старый палач». Под этим именем в очерке выведен В. П. Буренин, «старый, похожий на затравленного волка, противный человек с погасшими глазами, с болезненным, землистым лицом, с рыжими полуседыми волосами, с холодными, как лягушка, руками» (с. 67), «сахалинская знаменитость». Дорошевич приводит реестр терзаемых Бурениным лиц: Скабичевский, Стасов, Чехов, Антон Павлович, Немирович-Данченко, Василий и Владимир, Боборыкин, Плещеев-покойник, сам Толстой, Лев Николаевич» (с. 69). Разумеется, при всей «просахалинности» имени Буренина, его литературная репутация складывалась не столь однозначно [Куликова, Пенская, 2018], более того, сравнивая его с Дорошевичем, можно отметить общность позиций и тактик в журнально-газетном поле.

⁶ По замечанию Е. П. Кудиновой, подробная рефлексия этой темы осуществлена Дорошевичем в очерке «Чехов и Сахалин» [Кудинова, 1995].

⁷ *Дорошевич В. М. Сахалин. В двух частях. Часть II – Преступники.* Типография Товарищества И. Д. Сыгина, 1903. 239 с. Из всего литературного наследия Дорошевича эта книга наиболее часто становилась объектом исследования.

Козлов А. Е. «Граммфонист Иванов»: к вопросу о прагматике вторичного текста

Умер Антон Павлович Чехов.
Вот истинное национальное горе (с. 44).

В тексте действует характерный для некролога писателя механизм: возвеличение, возведение в превосходную степень (серии эпитетов, суперлативов: *несравненный художник, падучая звезда*), сопоставление его личности с предшественниками (*Тургенев*, далее – *Толстой*), текстов – с шедеврами литературы. Частное событие (гибель человека) возводится в ранг всеобщих, затрагивающих всех и каждого (читателя), распространяется на потрясения и катастрофы страны / нации / мира. Вместе с тем инициированная в последнем предложении тема страдающего литератора (менее характерная для Чехова, чем для многих его современников) позволяет Дорошевичу перейти от уникального к типичному, заменить метафору метонимией, в результате чего судьба Чехова становится типизированной судьбой русского беллетриста, «второго Лейкина»:

– Дорогой мой! – говорили ему. – Вы растягиваете! Опять у вас в фельетоне 250 строк, – а нужно 200!
Чехова сокращали. Ему говорили:
– Напишите что-нибудь... строк на двадцать.
Сквозь смех он вспоминал с ужасом:
– Самое ужасное, что именно редакторы юмористических журналов у нас лишены юмора! Каково тут юмористу?! (с. 71)

Хорошо известны и многократно описаны претензии редакторов к Дорошевичу из-за его телеграфного стиля, ставшего впоследствии визитной карточкой «короля фельетонов» [Кудинова, 1995; Букчин, 2010]. Осознанно или бессознательно возвращаясь к этапам творческого пути ушедшего из жизни современника, Дорошевич адаптировал его историю, как бы примеряя ее к себе. Однако в исходном материале и пережитом опыте было слишком много различий: пустоты заполнял журналистский вымысел.

Автоматизм такого рода письма обнажается уже на уровне заголовков, среди которых большая часть строится по единой модели «Чехов и X»: «Чехов и Мопассан», «Чехов и критика», «Чехов и Сахалин», «Чехов и Суворин», «Чехов и звание писателя», «Чехов и Маркс», «Чехов и сцена», «Чехов, Толстой и Горький». Последний текст, тиражирующий модель повествования, избранную в фельетоне «Чехов и Суворин» («Суворин очень любил Чехова, и Чехов охотно любил Суворина. Он не любил “Нового времени”, но “старика Суворина” любил глубоко и сильно» (с. 87), предполагает своего рода обнажение приема.

Л. Н. Толстой очень любил Чехова, как и Чехов Толстого. Лев Николаевич был в восторге от рассказов Чехова:
– Так часто двумя словами нарисовать человека!
Но не признавал его драм:
– Это не драматические произведения. Чехов не драматург. Он напрасно пишет драмы.
Чехов очень любил Горького, как и Горький Чехова. Чехов говорил о Горьком с настоящим восторгом. Но... не признавал в нем драматурга.
– Это не драматические произведения. Горький не драматург. Он напрасно пишет драмы (с. 93).

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 1

Даже не семантический, а структурный параллелизм, прямое тождество этих конструкций, созданных по принципу **Х очень любил Y, как Y очень любил X (исключая: драмы)**, ставит под сомнение реалистичность «мемуаров» Дорошевича. Текст его «воспоминаний» представляет собой, как нетрудно убедиться, соединение нескольких паттернов, примитивов, структура которых объясняет необыкновенную плодовитость фельетониста⁸. При этом тяготение этих воспоминаний к тотальной фикциональности очевидно оказывается более сильным, нежели классических подделок в духе воспоминаний И. И. Панаева или Н. В. Успенского⁹.

Осознавая это, Дорошевич нередко доводил повествовательную технику до абсурда. Так, экспозиция «Воспоминаний о Чехове» (1912) формирует эффект обманутого ожидания.

Я не был лично знаком с А. П. Чеховым. Тем не менее, это не мешало мне быть поклонником его действительно выдающегося таланта.

Я видел Чехова три раза в жизни, и эти «три встречи» оставили во мне неизгладимый след (с. 267).

Во всех трех эпизодах в фокусе оказываются события бытовые и повседневные (гастрономические), предельно далекие от мира литературы и при этом излагаемые профанным рассказчиком (не литератором). С одной стороны, это, конечно, близко к технике Фаддея Булгарина или Ивана Панаева, однако в обоих случаях их воспоминания работали на утверждение своей позиции в литературе: *я современник, я пожимал руки, я разговаривал*. В рассматриваемом случае письмо дискредитирует и уничтожает себя, за счет чего стирается какой-либо эффект правдоподобия: полностью марионеточный Чехов находится в руках совершенно искусственного рассказчика.

Текст подписан *Иваном Ивановичем Ивановым*¹⁰. Разумеется, это такой же симулякр (план выражения без плана содержания), как и три пресловутые встречи с классиком. Не менее любопытна номинация «*Грамофонист*», профанирующая акт письма и заменяющая его своего рода автоматом. Кроме того, такая подпись составляет неточную анаграмму к слову *графоман*. В то же время, несмотря на разность модальностей, два воспоминания объединяет риторический штамп, позволяющий говорить об автопародии:

«Антон Павлович Чехов» (1904)

[Влас Михайлович Дорошевич]

Вот уж, поистине, когда не фраза:

– Перо валится из рук.

В такое безвременье и исчезает такой талант.

Ведь после имени Л. Н. Толстого, чье имя произносилось?

А. П. Чехова.

А сколько страданий было в жизни этого писателя! (с. 63)

⁸ За 40 лет Дорошевич написал свыше 100 некрологических текстов, формально обращаясь к ресурсу своей памяти, но чаще всего подменяя некоторые подлинные воспоминания симулякрами. Не исключено, что, как и большинство журналистов, он использовал тетради с заготовками и риторическими шаблонами.

⁹ Об экстравагантном поведении последнего см.: [Зубков, 2019; Печерская, 2020].

¹⁰ Иван Иванович – инициалы Панаева.

«Воспоминания о Чехове»

[Иван Иванович Иванов, граммфонист]

Это написано наскоро, потому что перо падает из рук. Но на всякий случай сообщая вам эти сведения, – может быть, они пригодятся для характеристики незабвенного писателя (с. 268)

Особое значение в этом контексте приобретает описание имеющих место в действительности и абсолютно вымышленных чувствований и торжеств. В центре очерка 1914 г. «Десять лет (О Чехове)», в частности, приводится рассказ о поздравлениях Чехова как драматурга:

Влад. И. Немирович-Данченко выступил вперед и начал свою речь:

– Дорогой, многоуважаемый Антон Павлович!..

У Чехова заиграла улыбка на губах, веселым смехом засверкали, заискрились глаза.

– Чего вы? – спросили его потом.

– А как же! Мне вспомнилось, как только что в акте перед этим Станиславский обращался к шкафу: «Дорогой, многоуважаемый шкаф!» Точка в точку так же! (с. 112)

Этот сам по себе анекдотический эпизод приобретает мифотворческие черты («Чеховский завет исполняется нерушимо» (с. 113)). Апофеозом такого мифотворчества становится очерк «Чехову – пятьдесят» (1910). Эта альтернативная биография примечательна материалом: Дорошевич собрал свои ранние очерки в единую нарративную конструкцию.

Фельетон открывается серией высказываний в сослагательном наклонении. Дорошевич заполняет пустоты текста и памяти шаблонными и клишированными фигурами: молодая жена, юбиляр-брюзга, старушка-матушка, хлопочущая о вкусном обеде в компании друзей. Чехов в этом тексте – тайный кадет, адепт и апопостол будущей конституции.

Но «душой» Антон Павлович Чехов был бы кадетом.

– Тайным кадетом.

Большое преступление пред Думбадзе.

8 октября 1905 года пошел бы, кутаясь в драповое пальто, Антон Павлович на набережную взглянуть на «опьяневших от радости своих “хмурых людей”».

И с доброй улыбкою, сидя на скамеечке у книжного магазина Синани, слушал бы их «пьяные песни».

Мало ли каких еще «преступлений» наделал бы он.

И прощай, Ялта, дача, солнце, тепло.

Чехов был бы выслан из Ялты.

Как «высылали» сотни других, десятки его друзей.

– За кадетизм.

– За тайный кадетизм.

И пятидесятилетие пришлось бы праздновать в Москве, не знаю где, но только не в Ялте.

И перед этим ударом, – высылкой, сколько других ударов для нежного, теплившегося любовью сердца...

– Конституция!

– Нет-с, высылка.

Блаженны Симеоны, не дожившие до Сретенья (с. 301).

Несмотря на политический контекст этого высказывания, его можно рассмотреть и в собственно литературной оптике¹¹. Ставший свидетелем расцвета чеховского гения и его посмертного признания, Дорошевич, как и многие писатели так называемого чеховского круга, оказался в роли Симеона-Мордовцева, вынужденного признать вторичный и преходящий характер своего творчества [Феномен творческой неудачи, 2011; 2018].

Знаковый характер рассмотренных текстов очевиден. В каждом из них фельетонист, более десяти раз настойчиво обращавшийся к воспоминаниям о Чехове, выполнял не только коммеморативные задачи, но и задачи самоконструирования. В сущности, снова и снова возвращаясь к Чехову, Дорошевич от 1904 к 1914 г. обращался к самому себе. То, что на формальном уровне было связано с низведением жизни писателя как метафоры на уровень метонимии (описывающей общее свойство всей пишущей братии), имеет свою специфическую семиотику [Барт, 1989].

Смысл альтернативных биографий Чехова в авторстве Дорошевича, как кажется, состоит в эксплицитном признании абсолютного гения своего современника и в имплицитном, или неизреченном, осознании своей роли «второго Лейкина», Ивана Ивановича Иванова – граммафониста.

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- Букчин С. В.* Судьба фельетониста. М.: Аграф, 2010.
- Винницкий И.* Граф Сардинский. Дмитрий Хвостов и русская культура. М., 2017.
- Гузаевская С. Н., Родин К. А.* Писатель и свидетель (рецепция «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского в литературе о каторге и ГУЛАГЕ // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 1–2. С. 216–231.
- Дубин Б. В.* Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 344 с.
- Зубков К. Ю.* Идеология и биография радикального разночинца в конце XIX века: Н. В. Успенский и Литературный фонд // Складчина. Сборник статей к 50-летию профессора М. С. Макеева. М.: ОГИ, 2019. С. 71–97.
- Козлов А. Е.* «Двойник» Ф. М. Достоевского и «Двойник» Н. Д. Ахшарумова: к вопросу о лингвостилевой организации вторичного текста // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 36–45.

¹¹ Сходный эффект можно наблюдать и в очерке Дорошевича «Герцен» (1902). Возвращающийся из Европы путешественник вынужден выбросить в окно экземпляр запрещенной книги «С того берега»: «Так тяжело уничтожать книгу, конечно, если не занимаешься этим специально. Словно убиваешь человека. Хуже! Убиваешь лучшее, что есть в человеке, – мысль. Сотни тысяч людей прочли бы эту книгу, эти мысли, эти чувства, – и ты отнимаешь у сотен тысяч их достояние. Я выглянул в окно. Книга белела около полотна, вдали. Она осталась по ту сторону границы. Бедный Герцен!» (с. 16). Оставленный по ту сторону границы Герцен (метонимически) поставлен в один ряд с дурной литературой и порнографией. Ситуация неуспеха, отсутствия диалога с читателем оказывается в данном случае определяющей, а политические факторы – второстепенными.

Козлов А. Е. «Граммфонист Иванов»: к вопросу о прагматике вторичного текста

Кудинова Е. П. Чехов и В. М. Дорошевич. Личные контакты. Проблема творческих связей (на материале произведений о Сахалине): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

Куликова Е. Ю., Пенская Е. Н. Литературные и эстетические парадоксы Виктора Буренина // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 152–167.

Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство, 1997. С. 817–827

Минералов А. Ю. Мир каторги в русской художественно-документальной прозе. М., 2009.

Печерская Т. И. Феномен культурной экспансии разночинцев 1860-х годов: литературная ниша «писатель-народник» // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 263–278.

Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.

Феномен творческой неудачи / Под ред. А. В. Подчиненова, Т. А. Снигиревой. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018.

Феномен творческой неудачи / Под ред. А. В. Подчиненова, Т. А. Снигиревой. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2011.

Bloom H. The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry. New York: Oxford Uni. Press, 1973.

Bloom H. The Western Canon: The Books and School of the Ages. New York: Oxford Uni. Press, 1994.

References

Barthes R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989. (in Russ.)

Bloom H. The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry. New York, Oxford Uni. Press, 1973.

Bloom H. The Western Canon: The Books and School of the Ages. New York, Oxford Uni. Press, 1994.

Bukchin S. V. Sud'ba fel'etonista [The Fate of Feuilleton Player]. Moscow, 2010. (in Russ.)

Dubin B. V. Klassika, posle i ryadom: sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture [The Classic: after and near]. Moscow, 2010. (in Russ.)

Guzaevskaya S., Rodin K. Pisatel' i svidetel' (retseptsiya "Zapisok iz Mertvogo doma" F. M. Dostoevskogo v literature o katorge i GULAGE [Writer and Eyewitness (Reception of Dostoevsky's "The House of the Dead" in Literature on Hard Labor and Gulag)]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020. vol. 12, iss. 1–2, p. 216–231. (in Russ.) DOI 10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-216-231

Kozlov A. E. "Dvoynik" F. M. Dostoevskogo i "Dvoynik" N. D. Akhsharumova: k voprosu o lingvisticheskoy organizatsii vtorichnogo teksta ["The Double" of Dostoevsky and "The Double" of Akhsharumov: to the problem of stylistic organization of a secondary text]. *Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 1, p. 36–45. (in Russ.)

Kudinova E. P. Chekhov i V. M. Doroshevich. Lichnye kontakty. Problema tvorcheskikh svyazey (na materiale proizvedeniy o Sakhaline) [Chekhov and V. M. Do-

roshevich. Personal contacts. The problem of creative dialogues (based on works on Sakhalin). Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1995. (in Russ.)

Kulikova E. Yu., Penskaya E. N. Literaturnye i esteticheskie paradoksy Viktora Burenina [Literary and aesthetic paradoxes of Viktor Burenin]. *Siberian Journal of Philology*, 2018, no. 1, p. 152–167. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Mass literature as a history and culture problem. In: Lotman Yu. M. About Russian Literature. Articles and Researches on History of Russian Prose, Theory of Literature. St. Petersburg, 1997, p. 817–827 (in Russ.)

Mineralov A. Yu. Mir katorgi v russkoy khudozhestvenno-dokumental'noy proze [The World of Hard Labor in Russian Documentary Prose]. Moscow, 2009. (in Russ.)

Pecherskaya T. I. Fenomen kul'turnoy ekspansii raznochintsev 1860-kh godov: literaturnaya nisha "pisatel'-narodnik" [The Phenomenon of Cultural Expansion of Raznochintsev of 1860s: The Literary Field "Democratic Writers"]. *Critique and Semiotics*, 2020, no. 1, p. 263–278. (in Russ.)

Phenomenon of a Creative Failure. Eds. A. V. Podchinenov, T. A. Snigireva. Ekaterinburg, 2011. (in Russ.)

Phenomenon of a Creative Failure. Eds. A. V. Podchinenov, T. A. Snigireva. 2nd ed. Moscow, 2018. (in Russ.)

Reytblat A. I. Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi [Historical and sociological essays on the book culture of the Pushkin era]. Moscow, 2001. (in Russ.)

Vinnitskiy I. Graf Sardinskiy. Dmitriy Khvostov i russkaya kul'tura [Count Sardinskiy. Dmitry Khvostov and Russian Culture]. Moscow, 2017. (in Russ.)

Zubkov K. Yu. Ideologiya i biografiya radikal'nogo raznochintsya v kontse XIX veka: N. V. Uspenskiy i Literaturnyy fond [Ideology and biography of a radical raznochinets at the end of the 19th century: N. V. Uspensky and Literary Fund]. In: Skladchina: Collected works dedicated to the 50th anniversary of Professor M. S. Makeev. Moscow, 2019, p. 71–97. (in Russ.)

Сведения об авторе

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

alexey-kozlof@rambler.ru

Information about the Author

Alexey E. Kozlov – Senior lecturer of Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Institute of Philology, Mass-Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

alexey-kozlof@rambler.ru